

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Идейные наставники Ф. И. Буслаева: Вильгельм фон Гумбольдт (Часть II)

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9

В статье рассматриваются рецепции философских, антропологических, культурологических, исторических аспектов теории языкознания великого немецкого ученого Вильгельма фон Гумбольдта в творчестве выдающегося русского ученого Федора Ивановича Буслаева. Отмечается восприятие Буслаевым важнейшей идеи Гумбольдта о роли «абсолютного духа», «национального духа», «человеческого духа», «индивидуализированного духа» в создании языка. По мнению Буслаева, именно «творческая сила» создала «язык устами целого народа». Подчеркивается важное значение для Буслаева методологического посыла Гумбольдта об использовании опыта языкознания для культурно-исторических построений, для проникновения в тайники сознания людей прошлого. Следуя Гумбольдту, Буслаев преодолел ограниченные представления о языке только как о «зеркале истории» и стал причислять язык к тем силам, которые творят историю. Отмечаются также методологические погрешности Буслаева, связанные с восприятием временного континуума его культурно-исторических реконструкций.

Ключевые слова: немецкая классическая философия, философская антропология, философский аспект языкознания, трансцендентальный субъект, категория «духа», генезис и творческая сила языка, организм языка, дух народа, языковое сознание (мировидение) народа, изоморфизм объектов культуры, бессознательные компоненты мышления, культурно-исторические построения, антиномии, междисциплинарное гуманитарное знание, эманации духа: язык, мифология.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Ideological Mentors of F. I. Buslaev: Wilhelm von Humboldt (Part II)

In the article receptions of philosophical, anthropological, culturological, historical aspects of the theory of linguistics of great German scientist Wilhelm von Humboldt are considered in works of outstanding Russian scientist Fedor Ivanovich Buslaev. Here is noted perception by Buslaev of Humboldt's most important idea about the role of «absolute spirit», «national spirit», «human spirit», «individualized spirit» in creation of language. According to Buslaev «the creative force» created «language by lips of the whole people». The importance for Buslaev of Humboldt's methodological message about the use of linguistics experience for cultural and historical constructions, for penetration into hiding places of people's consciousness of the past is emphasized. Following Humboldt, Buslaev overcame limited ideas about language only as «a history mirror» and began to rank the language to those forces which make history. Here are noted Buslaev's methodological errors concerning perception of the time continuum of his cultural and historical reconstruction.

Keywords: German classical philosophy, philosophical anthropology, philosophical aspect of linguistics, transcendental subject, category of «spirit», genesis and creative force of language, language organism, spirit of the people, language consciousness (world view) of the people, isomorphism of culture objects, unconscious components of thinking, cultural and historical constructions, antinomy, cross-disciplinary humanitarian knowledge, spirit emanations: language, mythology.

Следуя в теории языкознания за учением В. Гумбольдта, Ф. И. Буслаев вместе с тем мог трансформировать заимствованные из наследия философа мысли, адаптируя их к своей мифологической концепции. Так, принципиальное для немецкого классика положение о тождественности языка и духа («язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [16, с. 368]) у Ф. И. Буслаева было переосмыслено в тезис о единстве языка и мифологии [1, с. 138; 9, с. 129] (или языка и эпической – народной – поэзии [5, с. 210, 218; 6, с. 161, 166, 169, 184])¹. При этом мифология в его понимании не ограничивалась рассказами («баснями») о богах

и героях [5, с. 2, 25] – она осознавалась им предельно широко, обнимая собой всю сферу духовной деятельности архаических и древних народов, выражала их специфический склад мышления, особый взгляд на мир [6, с. 159, 161, 173].

По мнению А. Л. Топоркова, рассуждения Ф. И. Буслаева о происхождении языка и мифологии «почти буквально» повторяют умозаключения В. Гумбольдта о языковом генезисе с тем лишь отличием, что немецкий философ утверждает субстанциональное единство языка и народного духа, а Ф. И. Буслаев постулирует единство языка и мифологии [29, с. 83]. По логике Федора Ивановича, мифология, возникнув

вместе с языком для непосредственной передачи впечатлений, производимых природой, как и язык, вбирает в себя «целый мир... ощущений и впечатлений»², а затем, сроднившись с сознанием человека, этот созданный воображением и интуицией мир начинает управлять личной и общественной жизнью людей.

Отождествив, таким образом, содержание мифологии с «языковым мировидением» в духе В. Гумбольдта, Ф. И. Буслаев широко привлекал языкознание в качестве ведущего источника постижения внутреннего мира «грубого» человека отдаленных исторических эпох³. Благодаря В. Гумбольдту, он начал связывать происхождение мифологии с актом номинации первоначальных ощущений и впечатлений [6, с. 159], а также с синтезирующей деятельностью творческой фантазии первобытных людей, которые в своем сознании, силой духа возвышая «артикулируемый звук до выражения мысли» [6, с. 177, 181, 182, 185], превращали впечатление «от вещи» в ее образ [16, с. 103], отражение окружающего мира – в образ мира [29, с. 79, 83].

Акцентируем внимание и на том, исключительно важно для понимания буслаевского дискурса, факте, что он, благодаря В. Гумбольдту⁴, узнал о наличии бессознательных компонентов мышления [8, с. 441], что, вне всякого сомнения, позволило ему отойти от отечественной традиции отождествления мифологии с языческим пантеоном богов, а мифа – с басней, небылицей. Для него мифология стала выражением особого типа мировосприятия людей на ранних стадиях их культурно-исторической динамики [8, с. 439–442].

Ф. И. Буслаеву была понятна мысль В. Гумбольдта о том, что «общая теория» языка, которую он разрабатывал, важна не только узкой группе специалистов, заточенных исключительно на проблемах генезиса языка и возникновения языковых различий человечества. В свою «общую теорию» немецкий философ стремился включить «сравнительное языковедение», выведшее его на новый уровень познания – исследование всемирной истории человечества, так как он обнаружил корреляцию между характером языка и духовной организацией нации. Язык «всеми тончайшими нитями своих корней сростся... с силой национального духа», уверял В. Гумбольдт, поэтому он не сомневался в том, что чем сильнее воздействие «духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего» [16, с. 46, 47]. Привлекая языкознание для историче-

ских реконструкций, философ советовал все «исторические разыскания»: как о «всемирно-историческом процессе», так и о «самобытной жизни народа», – начинать с обнаружения «своеобразия национального духа в его полноте», а поскольку лучшей проекцией духа был образ мысли народа, то и наиболее репрезентативным способом выявления духовного своеобразия нации мог быть только язык [16, с. 49–53, 82].

Руководствуясь этими рассуждениями В. Гумбольдта, Ф. И. Буслаев преодолел ограниченные представления о языке только как о «зеркале истории» и стал причислять язык к «тем основным силам», которые творят историю [8, с. 439–447].

Для привлечения материалов языкознания к историческим исследованиям ему пригодились и рассуждения В. Гумбольдта об «индивидуальном характере» языка. Оказывая воздействие на «сущность нации», «индивидуальный характер» языка естественным образом соотносится с «внутренним миром человека», который всегда был предметом пристального внимания истории и философии [20, с. 377]. Это и предопределяет интеграцию языкознания с этими двумя главными науками, сфокусированными на антропологических рефлексиях.

Союз истории с языкознанием важен для выяснения диалектического взаимоотношения «языкового сознания» народа, то есть заложенного в языке мировидения и «поступательного развития человечества» [14, с. 47, 53]. Устраняя все личное и частное, история воссоздает «судьбу человечества во всей ее полноте и жизненности», закрепляя за философией поиск «первопричины вещей», исходя из представления о «единстве природы и человека, физического и духовного мира» [12, с. 352, 355].

В. Гумбольдта привлекал в истории не голый факт, а идеальные силы и формальные принципы, во власти которых находился, по его мнению, каждый факт истории [27, с. 138]. Следовательно, в его исторической манере мышления, как и во всем теоретическом конструировании, ощущалось влияние трансцендентальных схем, принятых в немецкой классической философии. А это значит, что «историческое развитие было для него идеальным (логическим) скорее, чем действительным развитием. Он искал основу для развития в природе творческого разума истории, а не в реальных фактах. Историческое развитие, по Гумбольдту, определяют “идеальные силы”, и задача историков состоит в том, чтобы опо-

знать эти силы (их суть) в фактах, поскольку каждый факт истории находится в ведении единого формального принципа и точно такой же силы». Именно по этой причине В. И. Постовалова, ссылаясь на Г. В. Рамишвили, делает вывод о том, что «исторические планы», косвенным образом присутствовавшие в рассуждениях В. Гумбольдта о всемирной истории, об исторических судьбах отдельных народов и всего человечества, могут свидетельствовать не столько об «исторической манере мышления» ученого, сколько о принятом в теории языкознания философско-логическом ее модуле [27, с. 138, 139].

Заметим, что аналогичная концепция развития вне времени была присуща Ф. Шеллингу, который осознавал ступени динамического процесса «как единовременный ряд, который строится... умозрительно... как одно из двух возможных направлений философствования», берущих свое начало в идее абсолюта (бога). Только абсолют мог мыслиться «предпосылкой, реальной и единственной основой всего сущего, и органического, и неорганического, которые в этом философском смысле не существуют самостоятельно, а только как тождественные в абсолюте» [24, с. 275, 276, 279].

Противоречивые представления об идее развития, характерные для немецкой классической философии, повлияли на выработку темпоральных представлений Ф. И. Буслаева. Доказывая, что мир находится в состоянии развития (эволюции), выделяя ступени социокультурной динамики, постигаемые во времени и пространстве, он вместе с этой «гетерогенно-эволюционистской концепцией» развивал и «креационистскую», или панхроническую, концепцию, не предполагавшую разворачивания исторических процессов во времени. В этом случае им придавалось значение исключительно «умозрительного конструирования» [24, с. 281].

Ф. И. Буслаеву было понятно намерение В. Гумбольдта создать науку, вбирающую в себя все (или большинство) известные в Европе рубежа XVIII–XIX вв. науки о феномене человека как об «интеллектуальном и моральном организме» [21, с. 164]: этого требовала природа языка, соотносившаяся в концепциях философа с природой человека и человеческими установлениями. Поэтому, вооружившись гумбольдтовской идеей синтеза языкознания, истории, философии, а также эстетики, которой отводилось важное место в познании духовного мира чело-

века, Ф. И. Буслаев предпринял попытку объединения филологических и культурно-исторических планов в своих исследованиях.

Во всех работах, проблемно или тематически связанных с языкознанием, он, как и В. Гумбольдт, рассматривает организм языка на обширном фольклорном, литературном, историко-этнографическом материале, погружает язык в культурно-исторический контекст, при помощи языковых средств, отражающих мировидение изучаемых этнических групп, стремится выразить идею прогрессивного поступательного развития индоевропейцев. Лингвистические теории явно занимают лидирующее место в его общетеоретических построениях. И наоборот: там, где требуются неопровержимые, твердо установленные факты, доказательные методики анализа, именно лингвистические экскурсы и сравнительно-исторические процедуры языкового материала инкорпорируются в содержание работ по истории литературы или истории искусства.

Ф. И. Буслаеву был близок также язык изложения В. Гумбольдта: яркий, образный, метафоричный⁵. Обоих исследователей, на наш взгляд, сближает стремление к эстетизации мысли, создающей возможность избежать сухой и скучной схоластики предлагавшегося учения и через живые, почти осязаемые образы пробудить интерес к философским абстракциям.

Многие слова и выражения авторитетного немецкого философа («сцепление мыслей», «дикари», «докультурная степень» развития, «духовный склад» [16, с. 67, 81, 181]) «перекочевали» в сочинения Ф. И. Буслаева, вместе с теоретическими положениями и философскими обобщениями.

Обширные и многочисленные заимствования, простиравшиеся от идей и концепций В. Гумбольдта, тезауруса и стиля изложения, позволили ученикам Ф. И. Буслаева признать отсутствие даже в самых его серьезных исследованиях оригинальных философских умозаключений и новаторства в области теоретической мысли. В частности, В. Ф. Миллер, пытаясь разгадать секрет притягательности творчества Ф. И. Буслаева, подчеркивал, что он явно не связан с «новизной и оригинальностью мыслей» ученого. Если «многие научные идеи Буслаева были новы в нашей еще небогатой науке, – считал он, – то они не были новы на Западе. На полную оригинальность никогда и не претендовал Буслаев...» [25, с. 6].

Кроме того, диалектические противоречия (антиномии), которые многие специалисты XIX–XX вв. обнаруживали в учении В. Гумбольдта [23, с. 359–361]⁶, сполыхи мистицизма, спекулятивно-метафизическая отстраненность от конкретики сравнительно-исторического языкознания и методологии позитивизма⁷, которую вскоре стал разделять Ф. И. Буслаев, все очевиднее становились для него по мере достижения периода акме.

Видимо, в этих не соответствовавших потребностям развития и отечественного гуманитарного знания, и самого Ф. И. Буслаева теоретико-методологических «просчетах» философского наследия В. Гумбольдта следует искать одну из причин резкого изменения направлений исследований московского ученого. В конце 60-х гг., бросив «глубоко проторенный» путь языкознания и литературоведения, он осуществил «окончательный переворот... ученых занятий и душевных интересов... почти исключительно... сосредоточившись на археологических исследованиях по русской иконописи и орнаментике...» [2, с. 366].

Однако влияние В. Гумбольдта на Ф. И. Буслаева оказалось глубже указанных заимствований из философии языкознания. Его стиль мышления, принципы осуществления главных исследовательских операций были во многом сформированы философско-антропологическим дискурсом немецкого классика.

Еще А. Л. Топорков обратил внимание на склонность Ф. И. Буслаева к созданию антиномий, объясняя подобную технику построения диалектических конструкций рецепциями немецкой классической философии. Подобно В. Гумбольдту, наш знаменитый соотечественник мог соединять в ходе рассуждений два прямо противоположных, взаимоисключающих, утверждения, хотя и производящих впечатление, что они с одинаковой степенью достоверности могут быть обоснованы в качестве истинных. Ф. И. Буслаев, отмечал А. Л. Топорков, мог «переключать» свои тексты с одного, конкретно-научного, «регистра» в другой, философско-эстетический, строить целые фрагменты текста на «сталкивании» разных значений одних и тех же слов и выражений, использовать научные категории то с явным однозначным смыслом, то с предельно обобщенным: «Одно значение термина словно поверяется другим, вступает с ним в диалог, благодаря чему понятия теряют свою

определенность и приобретают дополнительную смысловую глубину». В работах Ф. И. Буслаева есть и «прямо противоположные друг другу тезисы», которые могут находиться в отношении «дополнительного распределения» [29, с. 56–60].

Поддерживая исследователя мифологических теорий в России XIX в., специально обратим внимание на различия в гумбольдтовских и буслаевских антиномиях.

Создавая антиномии, В. Гумбольдт подчеркивал в объекте исследования неустранимые внутренние противоречия: реально существовавшая раздвоенность в сущности и глубинных процессах языка делала неизбежными диалектически противоположные суждения. У Ф. И. Буслаева, как нам видится, нередко имеются не диалектические, а формально-логические противоречия, вызванные не природой изучавшегося объекта (языка, мифа, народной поэзии), а противоречиями мышления, неправильных рассуждений. Все идеи, которые высказывал В. Гумбольдт, полностью соответствовали его концепции философии языка, и сложные теоретические построения всецело коррелировали со стилем мышления, принятым в немецкой классической философии.

Положения, воспринятые Ф. И. Буслаевым из учения В. Гумбольдта, не всегда выстраиваются в стройную логическую систему, а их фрагментарность, лишенная диалектического контекста рассмотрения, и приводит к искажению смыслов оригинала, порождая вопросы и сея недоумение.

Приведем пример из работы Ф. И. Буслаева «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского» (1850). И сама рецензия, и книга И. И. Срезневского являлись переложением идей В. Гумбольдта к истории русского языка. Демонстрируя свою осведомленность в теоретических аспектах языкознания, Ф. И. Буслаев сообщает следующую информацию: «Весь организм языка образуется уже в незапамятную, доисторическую эпоху... Богатство звуков оказывается уже в разнообразии их сочетаний; приставки и окончания свободно видоизменяют корень слова; склонения и спряжения, самые благозвучные и полные, дают именам и глаголам гибкость и движение... Все построение языка уже в ту древнейшую эпоху проникнуто жизненной силой, которая с незапамятной поры и донныне одушевляет язык.

Мало того. Чем древнее формы языка, тем они богаче, полнее, свежее, гибче и одушевленнее. Язык древних памятников по всем славянским

наречиям далеко превосходит современную речь, как живостью, изобразительностью, свежестью, которыми проникнута каждая грамматическая форма, так и правильностью и глубиной логического смысла, лежащего в основе каждого слова... Но и древнейшие памятники не сохранили нам золотого века процветавшего языка... В эпоху недостижимую язык мог быть еще совершеннее в своем грамматическом строении...

Так как в наидревнейший, первоначальный, период, открываемый нам историей, человек является уже одаренным всеми человеческими способностями, а потому и языком как природным выражением их всех, то образование языка предшествует исторической жизни народов. С появлением народов на историческом поприще является и язык его как его нравственная физиономия, уже установившаяся и окрепшая в период доисторический...

История литературы, искусств, наук развивается вместе с жизнью народа... Любимые идеи и верования отражаются в произведениях народного ума и воображения. Не такова история языка. С усовершенствованием народа в умственном и политическом отношении язык уже не двигается вперед, не совершенствуется в своих [грамматических. – *М. Н., Т. П.*] формах, не приобретает... новых сочетаний звуков... даже теряет те богатства, какие имел искони. Только в одном отражается на языке совершенствование народное – именно в большей правильности и ясности при изложении мыслей в речи. Но это происходит уже не от совершенствования языка, а от стремления подчинить бессознательно употребляемые формы языка отвлеченной мысли... Итак, с совершенствованием народа язык может изменяться, искажаться, но не двигаться вперед, ибо он единожды навсегда создан высшей творческой силой и, подобно природе внешней, может быть применяем к потребностям человека; но, как та же природа, он не может принимать постоянного участия в движении исторических судеб народа» [3, с. 471, 472, 478].

С современной научной точки зрения в этой умозрительной по содержанию цитате много ошибок, связанных с изложением процессов антропо- и социогенеза, а также логических противоречий. Однако важнее то, что высказанные Ф. И. Буслаевым положения идут вразрез со смысловым содержанием текста оригинала, представляя слишком вольное переложение идей В. Гумбольдта о развитии организма языка под воздействием творческой энергии духа.

Для сравнения мы приведем выдержки из работы «О различии строения человеческих языков...»⁸.

Для В. Гумбольдта важно было выразить деятельную природу языка, поэтому он, создавая антиномии, содержавшие компоненты завершенности, сформированности, замкнутости, тут же «растворял» их в тех интенциях языка, которые указывали на его развитие, обновление, воспроизведение, совершенствование. Во всех рассуждениях философа подчеркивается движение духа и словообразовательных сил, никогда не прерывающийся процесс образования новых слов и форм их бытования в сменяющихся друг друга поколениях [16, с. 70, 112].

Представляя язык в качестве живого феномена, он также имплицитно выражал мысль о подвижности, изменчивости, способности к безостановочному творчеству «одушевленно-го» мира языка и всех его компонентов.

Свобода языка тоже придает ему беспредельность в пространстве и безграничность во времени [16, с. 49].

Кроме того, в каждом языке, по мнению В. Гумбольдта, помимо уже сформированного словарного запаса, грамматических структур, «всего способа представлений определенной части человечества» [16, с. 80], наличествует «некая совокупность идей, соответствующая безграничным возможностям способности человека к развитию» [16, с. 57], а также «еще нечто, не поддающееся детальному объяснению, – сходное с инстинктом предчувствия всей системы [языка. – *М. Н., Т. П.*] в целом» [16, с. 88]. Эти потенциально неисчерпанные возможности языка могут со временем придать ему черты, которыми он раньше не обладал, так как в «прежнюю оболочку вкладывается тогда другой смысл, под тем же чеканом выступает что-то иное». Следовательно, развитие языка может происходить без изменения звукового состава, грамматических форм и законов словообразования, а исключительно «благодаря ускоренному развитию идей, нарастанию мыслительной силы и углублению и утончению чувственности», вызывающих всплеск в литературном творчестве и философии народа [16, с. 106].

Подчеркивание значимости потенциального начала в мире объединяло В. Гумбольдта с йенскими романтиками, Ф. Шеллингом и Ф. Шлегелем. Им, по мнению В. И. Постоваловой, было близко представление о творчестве как о бесконечном процессе, при-

чем «извечный порыв к возможному, потенциальному» ценился выше результата, любая однозначная и окончательная форма имела в их глазах меньшую значимость, чем даже неосуществленная возможность [27, с. 101].

Приведенное сравнение отдельных положений учения В. Гумбольдта с их интерпретацией Ф. И. Буслаевым дает возможность утверждать, что русский ученый пытался творчески переработать заимствованные из немецкой классической философии идеи, но отсутствие специальной подготовки и крепнущая с годами нелюбовь к отвлеченным философским абстракциям приводили к искажению глубины мыслей основателя философской антропологии или ошибочным рассуждениям. Пагубное воздействие могло иметь и стремление Ф. И. Буслаева адаптировать сложные теоретические обобщения к уровню восприятия пользователей учебно-методической литературы. Проявившееся еще при создании первых книг для гимназистов, оно сохранилось и в дальнейшем, переместившись в научную продукцию. Но если в первом случае упрощение философских умозаключений выглядело уместным, то в рецензиях и исследованиях это уже походило на профанацию немецкой классической философии.

Сглаживая резкость этого высказывания, отметим, что Ф. И. Буслаев, в отличие от многих своих современников, читал работы немецких мыслителей, и В. Гумбольдта в том числе, в оригинале и, по всей видимости, в дальнейшем руководствовался первыми, самыми острыми, впечатлениями – а они возникали у него в весьма молодом возрасте.

Стремление Ф. И. Буслаева к созданию антиномий было не единственным заимствованием философского дискурса рубежа XVIII–XIX вв. «Вневременная реальность» сочинений ученого, посвященных проблемам коллективного сознания и мифотворчества, тоже, на наш взгляд, является своеобразной мыслительной реакцией Ф. И. Буслаева на постижение немецкой классической философии, и философии языкознания В. Гумбольдта в том числе. Смещение или наложение разновременных исторических пластов и у современников, и у более поздних критиков научного наследия Ф. И. Буслаева считались наиболее уязвимыми аспектами его культурно-исторических исследований. Так, постулируя постоянное развитие изучаемых народов и связывая его с прогрессом в материальном быте и общественно-политических структурах, он от-

казывался видеть какие-либо существенные изменения в мироощущении людей, допуская использование в качестве источника по мифологическому типу мышления архаических и древних народов памятники фольклора, сохранившиеся, например, в праздничной культуре русских крестьян XIX в. Или, применительно к языкознанию, излагая концепцию изначального совершенства языка, он утверждал дальнейшую возможность исторического развития языковых форм и совершенствования языка как культурного достояния народа.

На наш взгляд, эти противоречия в суждениях и научно-логических процедурах исследовательского почерка Ф. И. Буслаева были продиктованы неисторической по своей сути манерой мышления, свойственной создателям и адептам немецкой классической философии [27, с. 138, 139]. Если Ф. И. Буслаев формировал свое научное мировоззрение под влиянием философии В. Гумбольдта, то он не мог не усвоить и «принципиальный неисторизм», в оценке В. И. Постоваловой [27, с. 138], своего идейного наставника: при кажущейся приверженности идее развития (духа, языка, мысли), при постоянном транслировании антистатического взгляда на мир В. Гумбольдт вкладывал в свою концепцию языка смысл «не исторического развития, а внеисторического движения, близкого к конструктивному развертыванию вне исторического времени» [27, с. 135].

В. Гумбольдт мыслил не конкретными категориями исторического времени, для которого характерны неповторимость, невозвратность, феноменологический и преходящий характер, а понятием абстрактно-логического времени – беспредельным и непрерывным, воспроизводимым, то есть рождающимся заново в тех же существенных характеристиках, с пассивным и исключительно умопостигаемым прошедшим состоянием и вечным настоящим, развертываемым в будущее.

Теоретическим аналогом вневременности считается панхронизм, который в теоретических построениях обычно выражается с помощью понятий «всегда, вечно, искони, никогда».

При конструктивном развертывании историческое время иррелевантно, что соответствует гумбольдтовскому пониманию неэмпиричности генетического акта проявления языковой силы духа или врожденного дара языка и языковой способности у человечества, «импульсно-генетической» трактовке первотворения

и первоначала – внутреннего чувства – языка и звука, лишённого временной детерминированности акта порождения (генезиса) произведений духа, мысли и языка [27, с. 127–139].

Отметим, что Ф. И. Буслаев, используя идею развития, при ее осмыслении следовал за В. Гумбольдтом, то есть оставался на позициях панхронизма, неприемлемого для исторической науки. Поэтому его исторический стиль мышления отличался статичностью, несимметричным интересом к универсальным планам в ущерб спецификации общего в частном, проповедью вечно длящегося настоящего, которое можно было бы «прокинуть» в воображаемое прошлое.

Таким образом, методологические погрешности, связанные с восприятием Ф. И. Буслаевым временного континуума его культурно-исторических реконструкций, объясняются ориентиром на темпоральную модель В. Гумбольдта, тщательное изучение трудов которого (при всех видимых сегодня последствиях) повышало теоретический уровень исследований молодого отечественного ученого и задавало планку в осмыслении философских основ языкознания: она уже не могла быть ниже тех европейских образцов, которые, благодаря Ф. И. Буслаеву, становились собственностью духовно-интеллектуального пространства России середины XIX в.⁹ [26].

Библиографический список

1. Буслаев Ф. И. Мифологические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 137–150.
2. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания [Текст] / Ф. И. Буслаев ; изд. В. Г. фон Бооля. – М., 1897.
3. Буслаев, Ф. И. «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человеке / сост., подг. текста, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. – М., 2006. – С. 470–493.
4. Буслаев, Ф. И. О преподавании отечественного языка [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка : учеб. пос. для ст-в пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / сост. И. Ф. Протченко, А. А. Ходякова. – М., 1992. – С. 25–373.
5. Буслаев, Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 210–230.
6. Буслаев, Ф. И. Областные видоизменения русской народности [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 151–209.
7. Буслаев, Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка : учебное пособие для преподавателей [Текст] / Ф. И. Буслаев ; составлено на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 24-го декабря 1848 года : в 2 ч. – Ч. 1. Этимология. – М., 1858.
8. Буслаев, Ф. И. Письмо к автору «Истории России» [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. – М., 2006. – С. 439–469.
9. Буслаев, Ф. И. Русский быт и пословицы [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 78–136.
10. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 401–454.
11. Буслаев, Ф. И. «Сравнение русских слов с санскритскими» А. С. Хомякова [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. – М., 2006. – С. 516–537.
12. Гулыга, А. В. Вильгельм фон Гумбольдт и немецкая философская классика [Текст] / А. В. Гулыга // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М., 2000. – С. 350–355.
13. Гулыга, А. В. Философская антропология Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] / А. В. Гулыга // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры : пер. с нем. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М., 1985. – С. 7–23.
14. Гумбольдт, В. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства [Текст] / В. Гумбольдт; пер. М. И. Левиной // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры : пер. с нем. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М., 1985. – С. 25–141.
15. Гумбольдт В. Лаций и Эллада (фрагмент) [Текст] / В. Гумбольдт; пер. О. А. Гулыги // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М., 2000. – С. 303–306.
16. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / В. Гумбольдт; пер. А. А. Алексеева, В. В. Библихина, О. А. Гулыги,

В. А. Звегинцева, С. А. Старостина // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – С. 37–298.

17. Гумбольдт, В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития [Текст] / В. Гумбольдт пер. З. М. Мурыгиной // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – С. 307–323.

18. Гумбольдт, В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков [Текст] / В. Гумбольдт; пер. О. А. Гулыги // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – С. 346–349.

19. Гумбольдт, В. Опыт анализа мексиканского языка [Текст] / В. Гумбольдт; пер. М. А. Журинской // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – С. 360–369.

20. Гумбольдт, В. Характер языка и характер народа [Текст] / В. Гумбольдт; пер. О. А. Гулыги // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – С. 370–381.

21. Гумбольдт, В. Эстетические опыты. Первая часть. О «Германе и Доротее» Гете [Текст] / В. Гумбольдт; пер. А. В. Михайлова // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – С. 160–278.

22. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. – М., 2000. – Примечания. – С. 363–370.

23. Звегинцев В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] / В. А. Звегинцев // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – С. 356–362.

24. Каменский, З. А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг [Текст] / З. А. Каменский. – М., 1980.

25. Миллер Вс. Памяти Федора Ивановича Буслая [Текст] / Вс. Миллер // Памяти Федора Ивановича Буслая. – М., 1898. – С. 5–42.

26. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Интеллектуальные вызовы 30–60-х гг. XIX в. в научных рефлексиях Ф. И. Буслая [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 272–277.

27. Постовалова, В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта [Текст] / В. И. Постовалова. – М., 1982.

28. Рамишвили, Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания [Текст] / Г. В. Рамишвили // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – С. 5–33.

29. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века [Текст] / А. Л. Топорков. – М., 1997.

30. Шпет, Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта) [Текст] / Г. Шпет. – М., 1927.

Bibliograficheskij spisok

1. Buslaev F. I. Mifologicheskie predaniya o cheloveke i prirode, sohranivshiesja v jazyke i poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – S. 137–150.

2. Buslaev, F. I. Moi vospominanija [Tekst] / F. I. Buslaev ; izd. V. G. fon Boolja. – M., 1897.

3. Buslaev, F. I. «Mysli ob istorii russkogo jazyka» I. Sreznevskogo [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, st. i komment. A. L. Toporkova. – M., 2006. – S. 470–493.

4. Buslaev, F. I. O prepodavanii otechestvennogo jazyka [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Prepodavanie otechestvennogo jazyka : ucheb. pos. dlja st-v ped. in-tov po spec. «Rus. jaz. i lit.» / sost. I. F. Protchenko, A. A. Hodjakova. – M., 1992. – S. 25–373.

5. Buslaev, F. I. Ob jepicheskikh vyrazhenijah ukrainskoj poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – S. 210–230.

6. Buslaev, F. I. Oblastnye vidoizmenenija russkoj narodnosti [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – S. 151–209.

7. Buslaev, F. I. Opyt istoricheskoj grammatiki russkogo jazyka : uchebnoe posobie dlja prepodavatelej [Tekst] / F. I. Buslaev ; sostavleno na osnovanii nastavlennija dlja obrazovanija vospitannikov voenno-uchebnyh zavedenij, VYSOChAJShE utverzhdenogo 24-go dekabrya 1848 goda : v 2 ch. – Ch. 1. Jetimologija. – M., 1858.

8. Buslaev, F. I. Pis'mo k avtoru «Istorii Rossii» [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, st. i komment. A. L. Toporkova. – M., 2006. – S. 439–469.

9. Buslaev, F. I. Russkij byt i poslovice [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – S. 78–136.

10. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – S. 401–454.

11. Buslaev, F. I. «Srvnenie russkikh slov s sanskritskimi» A. S. Homjakova [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, st. i komment. A. L. Toporkova. – M., 2006. – S. 516–537.

12. Gulyga, A. V. Vil'gel'm fon Gumbol'dt i nemeckaja filosofskaja klassika [Tekst] / A. V. Gulyga // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju: per. s nem. / obshh. red. G. V. Ramishvili; poslesl. A. V. Gulygi i V. A. Zveginceva. – M., 2000. – S. 350–355.

13. Gulyga, A. V. Filosofskaja antropologija

Vil'gel'ma fon Gumbol'dta [Tekst] / A. V. Gulyga // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury : per. s nem. / sost., obshh. red. i vstup. st. A. V. Gulygi, G. V. Ramishvili. – M., 1985. – S. 7–23.

14. Gumbol'dt, V. Idei k opytu, opredeljajushhemu granicy dejatel'nosti gosudarstva [Tekst] / V. Gumbol'dt; per. M. I. Levinoj // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury : per. s nem. / sost., obshh. red. i vstup. st. A. V. Gulygi, G. V. Ramishvili. – M., 1985. – S. 25–141.

15. Gumbol'dt V. Lacij i Jellada (fragment) [Tekst] / V. Gumbol'dt; per. O. A. Gulygi // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju / obshh. red. G. V. Ramishvili; poslesl. A. V. Gulygi i V. A. Zveginceva. – M., 2000. – S. 303–306.

16. Gumbol'dt, V. O razlichii stroenija chelovecheskikh jazykov i ego vlijanii na duhovnoe razvitie chelovechestva [Tekst] / V. Gumbol'dt; per. A. A. Alekseeva, V. V. Bibihina, O. A. Gulygi, V. A. Zveginceva, S. A. Starostina // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – S. 37–298.

17. Gumbol'dt, V. O sravnitel'nom izuchenii jazykov primenitel'no k razlichnym jepoham ih razvitija [Tekst] / V. Gumbol'dt per. Z. M. Muryginov // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – S. 307–323.

18. Gumbol'dt, V. Ob izuchenii jazykov, ili plan sistematicheskoi jenciklopedii vseh jazykov [Tekst] / V. Gumbol'dt; per. O. A. Gulygi // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury. – S. 346–349.

19. Gumbol'dt, V. Opyt analiza meksikanskogo jazyka [Tekst] / V. Gumbol'dt; per. M. A. Zhurinskoi // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury. – S. 360–369.

20. Gumbol'dt, V. Harakter jazyka i karakter naroda [Tekst] / V. Gumbol'dt; per. O. A. Gulygi // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury. – S. 370–381.

21. Gumbol'dt, V. Jesteticheskie opyty. Pervaja chast'. O «Germane i Dorotee» Gete [Tekst] / V. Gumbol'dt; per. A. V. Mihajlova // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury. – S. 160–278.

22. Gumbol'dt, V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Tekst] / V. Gumbol'dt. – M., 2000. – Primechanija. – S. 363–370.

23. Zvegincev V. A. O nauchnom nasledii Vil'gel'ma fon Gumbol'dta [Tekst] / V. A. Zvegincev // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – S. 356–362.

24. Kamenskij, Z. A. Russkaja filosofija nachala XIX veka i Shelling [Tekst] / Z. A. Kamenskij. – M., 1980.

25. Miller Vs. Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva [Tekst] / Vs. Miller // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – M., 1898. – S. 5–42.

26. Novikov M. V., Perfilova T. B. Intellektual'nye vyzovy 30–60-h gg. XIX v. v nauchnyh refleksijah F. I. Buslaeva // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 272–277.

27. Postovalova, V. I. Jazyk kak dejatel'nost'. Opyt interpretacii koncepcii V. Gumbol'dta [Tekst] / V. I. Postovalova. – M., 1982.

28. Ramishvili, G. V. Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo jazykoznanija [Tekst] / G. V. Ramishvili // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – S. 5–33.

29. Toporkov, A. L. Teorija mifa v russkoj filologicheskoj nauke XIX veka [Tekst] / A. L. Toporkov. – M., 1997.

30. Shpet, G. Vnutrennjaja forma slova (Jetjudy i variacii na temy Gumbol'dta) [Tekst] / G. Shpet. – M., 1927.

¹ В народной поэзии, содержащей «заветные убеждения и воззрения народа на жизнь и природу» [10, с. 405], Ф. И. Буслаев обнаруживал источник «постоянного, ни от каких случайностей независимого выражения мышления, впечатлений и чувствований народа» [5, с. 210]. Следовательно, для него мифология и народная поэзия часто были неразличимыми видами народной словесности.

² В рецензии на сочинение И. Срезневского «Мысли об истории русского языка» Ф. И. Буслаев сообщал: «Доселе сохранившиеся в языке слова и обороты ясно свидетельствуют о том, что словом человек первоначально назвал не самый предмет и не понятие о предмете, а то впечатление, какое предмет оказал на его душу... Рассматривая предмет с этой точки, убеждаемся, что человек, как бы потрясаясь в своих чувствах впечатлениями всей природы, его окружающей, подобно сотрясенному металлу, издает из себя членораздельные звуки, которыми выражает уже не природу, налагающую на его душу впечатления, но целый мир собственных ощущений и представлений» [3, с. 483].

³ Об этом мы узнаем из его «Письма к автору “Истории России”»: «Не зная доисторической жизни нашего народа, – отмечал Ф. И. Буслаев, обращаясь к С. М. Соловьеву, – мы можем составить себе общее о ней понятие только по тому, как отразилась она в языке. Следовательно, для историка, повествующего об отдаленнейшем периоде жизни народа, язык есть не только вспомогательное пособие, но и существенный источник, исторический памятник отжившей старины... Язык, несмотря на последовавшее совершенствование народа при свете христианских идей, постоянно сберегал слова и выражения, чуждые христианскому миру, хотя и безо всякого участия сознания говоривших» [8, с. 441].

О бессознательных процессах, происходивших в «глубинах» человеческой индивидуальности во время рождения речевых единиц, писал и В. Гумбольдт [16, с. 227].

⁴ В своей работе «О различии строения человеческих языков...» В. Гумбольдт сообщал: «Не будучи актом непосредственного сознания и даже актом внезапной спонтанности и свободы, язык все же может принадлежать лишь существу, наделенному сознанием и свободой, исходя таким образом из непостижимых для него самого глубин его индивидуальности и из деятельности заложенных в нем сил. Ведь язык целиком зависит от бессознательной энергии, приводящей в действие человеческую индивидуальность, и от формы, в которую этот процесс выливается» [16, с. 227].

⁵ К примеру, характеризуя «первоначальный язык... так называемых дикарей», В. Гумбольдт подчеркивал оформленность и фонетического состава и грамматических форм их «содержания мышления», выраженного в звуках.

«Слова свободно, без принуждения и ненамеренно изливаются из груди человека, и, наверное, ни в одной пустыне не было кочевой орды, которая не имела бы своих песен. Поистине человек как род живых существ – поющее создание, только сочетающее со звуками песни мысли.

Язык при этом не просто переносит какую-то неопределенную массу материальных элементов из природы в нашу душу, – далее поясняет В. Гумбольдт механизм словотворчества, – он несет в себе еще и то, что предстает нам во всей совокупности бытия как форма. Природа развертывает перед нами богатую образами всех чувственных восприятий пестроту явлений, озаренную лучезарным сиянием; наша мысль открывает в ней созвучную форму нашего духа закономерность; отделенная от телесного бытия вещей, словно одного лишь человека затрагивающее волшебство, облакает их очертания внешняя красота, в которой закономерность заключает с чувственной материей союз, остающийся необъяснимым, но захватывающий и влекущий нас» [16, с. 81].

⁶ Подробный разбор антиномий В. Гумбольдта содержится в монографии В. И. Постоваловой «Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта» [27, с. 87–113].

Автор утверждает, что В. Гумбольдт, блестяще владевший «техникой диалектического мышления», сумел виртуозно продемонстрировать природу изучаемого объекта в диалектическом видении, то есть подчеркивая неустрашимость внутренней противоречивости как в сущности объекта, так и в механизмах внутренней процессуальности [27, с. 88–111].

Исследуя «мир антиномий», характеризующих природу (сущность) языка, В. И. Постовалова выделила в концепции В. Гумбольдта следующие понятийно-категориальные оппозиции: идеальное / вещественное; деятельность / продукт (вещь); живое / мертвое; творческое / репродуктивное; свобода / предопределенность; универсальность / уникальность; изменчивость / стабильность; потенциальное / наличное; безграничность / замкнутость; континуумность / дискретность; разнообразие / единообразие [27, с. 93, 94].

В. И. Постовалова разбирает все смысловые компоненты этих антиномий, подчеркивая гармоничность соединения в языковой концепции В. Гумбольдта взаимоисключающих, взаимообусловленных и взаимопроникающих противоположностей. Примером может служить центральная оппозиция его концепции: деятельность / продукт. В гумбольдтовской диалектической картине мира язык предстает то как нечто готовое, законченное, то как пребывающее в процессе формирования. Следовательно, материал языка выступает, с одной стороны, как уже произведенный продукт, но, с другой стороны, он мыслится как никогда не достигающий состояния завершенности. Развивая первую точку зрения, В. Гумбольдт утверждает, что каждый народ получает с незапамятных времен материал своего языка от прежних поколений, и деятельность духа сводится только к выработке выражения мыслей. Развивая вторую точку зрения, В. Гумбольдт замечает, что пока язык живет в устах народа, словообразовательные силы непрерывно производятся и воспроизводятся, поэтому состав слов языка никогда не может стать готовой массой [27, с. 95–97].

Разрешение этой антиномии происходит через встраивание ее, как и других семантических оппозиций,

в систему более широкого знания: идею человеческого происхождения и человеческого характера языка, принцип тождественности человека и природы. Таким образом, проблема языкознания рассматривается философом в контексте «более широкой антропологической целостности» [27, с. 112].

⁷ Г. В. Рамишвили сообщает о том, что введенное В. Гумбольдтом понятие «дух народа» использовалось не только в философии, но и в самых ранних проектах изучения психологии народов. Например, создатели журнала «Психология народов» М. Лацарус и Х. Штейнталь использовали данное понятие, но придавали ему значение психики. Однако в послегумбольдтовскую эпоху позитивизма появилось отрицательное отношение и к слову «дух», и к «метафизической величине... дух народа» из-за «смутного представления о субстанциональности» этого феномена. Само теоретическое наследие немецкого философа в новой мировоззренческой среде тоже оказалось невостребованным [28, с. 10, прим.].

⁸ «...Язык всегда обладает лишь идеальным бытием в головах и душах людей и никогда – материальным, даже будучи начертан на камне или бронзе... Поэтому в языке, как в непрестанном горении человеческой мысли, не может быть ни минуты покоя, ни мгновения полной остановки. По своей природе он представляет собой устремленное вперед развитие, движимое духовной силой каждого говорящего. В этом процессе естественным образом выделяются два периода ... – когда звукотворческий порыв языка еще нарастает и кипит деятельной жизнью, другой – когда после окончательного образования по крайней мере внешней языковой формы наступает кажущаяся остановка и начинается видимое угасание первого чувственного творческого порыва. Конечно, даже в период такого угасания... могут возникнуть новые жизненные начала и произойти новые и успешные преобразования языка...

Бросим еще один ретроспективный взгляд на всеобщий процесс языкового развития. В период создания фонетических форм народы увлечены больше языком, чем его задачей, то есть тем, что им надлежит обозначить. Они целиком увлечены изобретением способов выражения мысли... Продолжающаяся работа духа, применяющего язык, не перестает оказывать определенное, устойчивое влияние также и на структуру языка как таковую, и на устройство его форм, только влияние это уже неуловимое и временами ускальзывает от наблюдения... Чем больше продвинулся язык в формировании своей грамматической структуры, тем ... меньше остается случаев, когда в ней нужно было бы что-то решать заново. Увлеченность способом выражения мысли ослабевает, и чем больше дух опирается на уже созданное, тем больше коснеет его творческий порыв, а с ним и его творческая сила...

Пока дух народа с его живой способностью продолжает и действовать сам, и воздействовать на язык, этот последний совершенствуется и обогащается, что, в свою очередь, вдохновляюще влияет на дух. Но и тут с течением времени может наступить эпоха, когда язык как бы перерастает своего спутника, и дух в каком-то изнеможении ведет все более пустую, все менее творческую игру со словесными оборотами и формами, возникшими в ходе подлинного осмысления употребления языка. Это период второго истощения языка... Однако гений отдельных великих людей снова может пробудить язык и нации и вырвать их из спячки» [16, с. 158, 162–164].

⁹ См. также: Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Духовная жизнь народа: новое направление в творчестве Ф. И. Буслаева в эпоху господства культуры романтизма // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 2. – С. 209–218; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Ф. И. Буслаев: идейно–политические акценты исследования проблемы народности // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 302–307; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Проблема народности в лекционных курсах Ф. И. Буслаева // Ярославский педагогический вестник. –

2016. – № 4. – С. 227–237; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Новые акценты теории народности Ф. И. Буслаева в эпоху Великих реформ // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 307–315; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Ф. И. Буслаев о ценностно-смысловом содержании древнерусского изобразительного искусства // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 365–377.